

Дистанционное электронное голосование: опыт применения в России и за рубежом

Remote electronic voting: application experience in Russia and abroad

УДК 324, 342.8

DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-1-3-20

Получено: 15.01.2024

Одобрено: 06.02.2024

Опубликовано: 25.03.2024

Алексеев Р.А.

Канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ

e-mail: Alekseev.r555@mail.ru

Alekseev R.A.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Policy faculty of Political science of the Lomonosov Moscow State University, Associate Professor of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

e-mail: Alekseev.r555@mail.ru

Кривешко Д.Д.

Бакалавр факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

e-mail: lita.lis@mail.ru

Kriveshko D.D.

Bachelor of the faculty of Political science, Lomonosov Moscow State University

e-mail: lita.lis@mail.ru

Аннотация

Цель статьи - изучение применения дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в России и ряде зарубежных стран, которые в течение длительного периода времени используют данную инновационную технологию в ходе выборов местного и общенационального масштабов (Эстония и Швейцария), а также отказавшихся от её применения (ФРГ) из-за различных политических рисков. Рассмотрены кейсы четырёх стран (России, Швейцарии, ФРГ, Эстонии). Исследование проводится с помощью метода кейс-стади, что позволило определить положительные и отрицательные стороны онлайн-голосования, выявить и предложить способы предотвращения как явных, так и потенциальных политических рисков, связанных с широким применением ДЭГ на практике. К числу вспомогательного инструментария для всестороннего освещения и анализа рассматриваемой проблематики относится компаративистика, позволившая сопоставить формы ДЭГ, их организационно-правовое обеспечение в российском и зарубежном законодательстве. Теоретическая значимость исследования определяется результатами комплексного анализа, полученными в ходе экскурсии в историю апробации ДЭГ и прогноза его дальнейшего использования как в России, так и за рубежом, структурированием этапов применения в ходе выборов разного масштаба, приданием юридически обязательного характера данному способу волеизъявления избирателей, либо

ограничение или запрет его применения как внутри страны, так и для соотечественников, проживающих за рубежом. Практическая значимость работы состоит в предложении эффективных способов общественного контроля за ходом проведения ДЭГ, что будет способствовать росту доверия к результатам онлайн-голосования. Авторами предлагается постепенное внедрение ДЭГ и только в регионах, способных обеспечить качественное техническое оснащение и возможность общественного контроля как за голосованием, так и за подсчётом голосов. У избирателя должна сохраняться возможность проголосовать бумажным бюллетенем на случай, если он передумал и решил осуществить волеизъявление традиционным способом, даже в день голосования. На примере кейсов четырех государств, в которых с разной степенью интенсивности использовалась данная технология, авторы приходят к умозаключению о необходимости применения инклюзивной (т.е. открытой) модели ДЭГ и различных её модификаций (например, таких как избирательный блокчейн), чтобы у потенциальных мобильных избирателей не оставалось сомнений в прозрачности данного способа волеизъявления и возможности на любом этапе электорального процесса проследить за отданным голосом, что будет способствовать не только легитимации полученных результатов, но и повышению доверия к избирательной системе в целом.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, избирательный процесс, Россия, выборы, зарубежные страны, мобильный избиратель.

Abstract

The purpose of the article is to study the use of remote electronic voting (DEG) in Russia and a number of foreign countries that have been using this innovative technology for a long period of time during local and national elections (Estonia and Switzerland), as well as those who refused to use it (Germany) due to various political risks. The cases of four countries (Russia, Switzerland, Germany, Estonia) are considered. The study is conducted using the case study method, which allowed us to identify the positive and negative sides of online voting, identify and propose ways to prevent both obvious and potential political risks associated with the widespread use of DEG in practice. Comparative studies are among the auxiliary tools for comprehensive coverage and analysis of the issues under consideration, which made it possible to compare the forms of DEG, their organizational and legal support in Russian and foreign legislation. The theoretical significance of the study is determined by the results of a comprehensive analysis obtained during an excursion into the history of the testing of DEG and the forecast of its further use both in Russia and abroad, structuring the stages of application during elections of various scales, making this method of expressing the will of voters legally binding, or limiting or prohibiting its use both domestically and abroad. for compatriots living abroad. The practical significance of the work consists in offering effective ways of public control over the course of the DEG, which will contribute to increasing confidence in the results of online voting. The authors propose the gradual introduction of DEG and only in regions capable of providing high-quality technical equipment and the possibility of public control over both voting and vote counting. The voter should have the opportunity to vote using a paper ballot in case he changes his mind and decides to express his will in the traditional way, even on the day of voting. Using the example of the cases of four states in which this technology was used with varying degrees of intensity, the authors conclude that it is necessary to use an inclusive (i.e. open) the DEG model and its various modifications (for example, such as the electoral blockchain), so that potential mobile voters have no doubts about the transparency of this method of expressing their will and the ability to track the cast vote at any stage of the electoral process, which will contribute not only to legitimizing the results obtained, but also to increasing confidence in the electoral system as a whole.

Keywords: remote electronic voting, electoral process, Russia, elections, foreign countries, mobile voter.

Введение

Способы электронного подсчёта результатов волеизъявления избирателей стали применяться в мировой практике в 1960-е гг., когда стало возможным голосование с помощью перфокарт, первоначально представляющих из себя картонные карточки прямоугольной формы с отверстиями, либо без таковых, на которых в закодированном виде содержалась информация, касающаяся реализуемых избирательных процедур. В научной литературе и избирательной практике электронное голосование понимается как голосование с использованием электронных устройств либо на самом избирательном участке, либо за его пределами.

В данное определение одновременно включается не только ряд различных видов голосования на выборах, но и способы подсчёта поданных избирателями голосов. Выделим следующие смысловые константы дефиниции электронного голосования: голосование посредством электронных систем голосования (т.е. через электронные терминалы), волеизъявление с использованием технологий сканирования избирательных бюллетеней, либо интернет-голосование на самом избирательном участке (контролируемое членами избиркома), равно как и голосование с помощью различных гаджетов дистанционно (т.е. неконтролируемое волеизъявление из любого свободно выбранного самим избирателем места). В проведенном исследовании за основу анализа будет взята именно последняя смысловая константа дефиниции электронного голосования.

Об актуальности представленного исследования свидетельствует тот факт, что данная разновидность волеизъявления избирательного корпуса быстрыми темпами охватывает многие страны мирового сообщества (Россия, Испания, США, Швейцария, Эстония, Австралия, Канада, Сьерра Леоне и т.д.), рассматривается не только представителями научной общественности, но и действующими политиками в качестве если не полноценной замены традиционного голосования (с помощью бумажных избирательных бюллетеней), то в качестве одной из его ключевых альтернатив. Во многих странах, активно развивающих инновационные способы волеизъявления избирателей (Эстония, Швейцария, Россия, Испания и т.д.), ДЭГ облекают в юридическую форму, предрекают в будущем полную замену голосования с помощью бумажных бюллетеней онлайн-голосованием, что объясняется технологическим прогрессом. Однако, ряд издержек, наблюдаемых в ходе тестирования и применения ДЭГ, например, хакерские атаки и технические сбои, незащищённость персональных данных избирателей, проблемы при самой электронной процедуре волеизъявления и доступность возможности для проголосовавшего избирателя убедиться в том, что его голос был засчитан именно в отношении кандидата (либо партии), за которого он проголосовал, невозможность при использовании эксклюзивных форм электронного голосования переголосования в случае допущения ошибки при голосовании и ряд иных негативных аспектов, позволяют говорить о преждевременности таких прогнозов.

Целью исследования является изучение и сопоставление подходов дистанционного голосования в России и ряде европейских стран (Швейцарии, ФРГ, Эстонии), как активно применяющих данную инновационную форму волеизъявления, так и настороженно относящихся к ней (либо запрещающих) в силу вышеуказанных негативных аспектов, в связи с широким применением его на выборах национального и местного масштаба.

Выбор кейсов стран обусловлен рядом факторов. Так, например, Эстония выступает пионером среди государств мирового сообщества, в котором практически для всех избирателей доступно электронное голосование вне стен избирательных участков. Данная система волеизъявления была первоначально апробирована на выборах местных органов власти в 2005 г., затем на выборах общенационального масштаба в 2007 г., а в 2023 г. с её помощью в ходе парламентских выборов проголосовало свыше 50% избирателей. В России данная система была апробирована сначала на региональном уровне в 2019 г. на выборах в Мосгордуму, затем использовалась в ходе волеизъявления граждан по внесению конституционных поправок (2020 г.), после чего была легализована (т.е. получила

юридическое закрепление в отечественном избирательном законодательстве), широко применялась в ряде российских регионов на выборах Государственной Думы 2021 г. и в ходе президентских выборов 2024 г.

Из представленных кейсов по странам, более настороженное отношение к электронному дистанционному голосованию испытывают в ФРГ (для сопоставления данный вид голосования во Франции был разрешён только в отношении соотечественников, находящихся за рубежом, число которых составляло не более 2% от общего числа избирателей, однако, в связи с опасностью кибератак, в 2017 г. и его отменили), где в 2009 г. Конституционным судом принимается решение о запрете данной формы волеизъявления избирателей с формулировкой о нарушении избирательных прав части граждан, не имеющих специальных знаний в области электронных платформ и, как следствие, отсутствие у них возможности проверить совершенное ими волеизъявление посредством электронных систем¹. К аналогичному выводу пришла и Норвегия после её апробации в 2011 и 2013 г.; Великобритания, ограниченно тестирующая данную систему с 2005 г., полностью отказалась от её применения в ходе конституционных преобразований в 2016 г. Вышеуказанные обстоятельства позволяют рассмотреть и проанализировать ДЭГ, его положительные и отрицательные аспекты на примере кейсов государств, как доверяющих данной технологии, так и испытывающих обоснованные сомнения в необходимости её широкого применения на практике, либо склонных вводить законодательные запреты для её реализации.

Обзор научной литературы

Проблемам апробации и применения электронного дистанционного голосования посвящены научные работы не только политологов, юристов, социологов, но и специалистов в области IT-технологий. Первыми зарубежными учёными, которые стали проводить изучение данного инновационного способа волеизъявления граждан, стали Р. Альварес, И. Боруцки, Д. Даунас-Сид, Р. Криммер, А. Рубин, Т. Холл и другие авторы, сформулировавшие политологический подход, который акцентирует своё внимание на влиянии онлайн-голосования на избирательную явку, на легитимацию результатов выборов и виды политического участия граждан.

Не только о позитивных, но и о негативных последствиях использования различных способов электронного голосования, предупреждают Р. Альварес и Т. Холл², предложившие рассматривать онлайн-голосование с учётом различных политических рисков. Авторы полагают, что отказ от единого дня голосования и увеличение числа избирателей, проголосовавших досрочно или по почте, оказывают воздействие на избирательный процесс и могут нанести вред демократическим институтам. Одновременно с этим, авторами высказывается мысль о том, что свои издержки негативного толка может иметь и традиционное голосование, в случае неправильного заполнения избирателями бюллетеней, которые будут признаны недействительными и, как следствие, отразятся на результатах голосования.

По мнению Р. Криммера, Д. Даунас-Сид, Ю. Кривоносовой [18, с. 3], проводивших на протяжении десяти лет (с 2011 по 2021 г.) исследования различных видов электронного голосования в европейских странах, воздействие на его дальнейшее применение могут оказывать одновременно несколько факторов: политический и юридический, социальный и технологический. Юридический фактор устанавливает «правила игры» (т.е. устанавливает законодательные нормы), регламентирующие процедуру онлайн-голосования. Политический фактор отвечает за оценку представителями социума и различных

¹ Один голос — один клик: где и зачем на выборах голосуют через интернет. [Электронный ресурс]. URL. <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/63344a039a794720fcce523a?from=copy> (дата обращения: 21.02.2024).

² Alvarez R., Hall T. Electronic Elections: The Perils and Promises of Digital Democracy. Princeton University Press. 2010 [Электронный ресурс]. URL. <https://archive.org/details/electroniclecti0000alva> (дата обращения: 23.02.2024).

институтов аппарата публичной власти, отвечающих за организацию и проведение онлайн-голосования, к данной инновационной форме волеизъявления избирателей. Социальный фактор дополняет политический, так как характеризует степень доверия (либо недоверия) избирательного корпуса к онлайн-голосованию. Тогда как технологический фактор устанавливает границы возможностей применения различных электронных платформ для проведения онлайн-голосования. Исходя из учёта всех вышеперечисленных факторов, коллектив учёных приходит к выводу, что потенциальные мобильные избиратели смогут доверять электронному голосованию только в том случае, если они будут разбираться в технических свойствах системы (т.е. электронных платформ для голосования).

В отечественной социогуманитарной науке на взгляд российского политолога В.И. Фёдорова [15], с мнением которого солидаризируются и авторы статьи, складывается три научных школы относительно перспектив использования ДЭГ: цифровых оптимистов, алармистов и реалистов. К первой научной школе можно отнести С.С. Морозову и Д.А. Будко [12, с. 464], полагающих, что с каждой новой избирательной кампанией ДЭГ набирает всё большую популярность, особенно в молодёжной среде, которая традиционно с интересом относится к различным новациям. Учёные полагают, что успешному внедрению данной инновации на выборах любого уровня может послужить межведомственное и межрегиональное сотрудничество, что приведет к широкому применению ДЭГ во всех российских регионах, даже тех, которые ранее не тестировали онлайн-голосование. К алармистам, в целом отрицательно относящимся к онлайн-голосованию, можно отнести известного российского политтехнолога и политконсультанта И.Е. Минтусова [10, с. 123], обобщившего в своих работах все проблемы ДЭГ (угрозы хакерских атак, технические сбои, отсутствие контроля за подсчётом голосов и т.д.). Самую многочисленную группу составляют цифровые реалисты, к которым относится большинство российских учёных: Р.А. Алексеев [1, 2], А.В. Абрамов [1], Н.А. Баранов [3], И.Б. Борисов [4], Д.А. Ежов [7], А.В. Игнатов [4], С.Н. Федорченко [19], В.И. Фёдоров [14] и др., рассматривающие на примере России и зарубежных стран различные виды дистанционного электронного голосования (в том числе избирательного блокчейна), его проблемные стороны и перспективы использования в ходе политических выборов.

Большинством политологов электронное голосование рассматривается в качестве способа активизации, т.е. мобилизации избирателей (особенно тех, которые в силу субъективных причин зачастую игнорируют участие в выборах), а в перспективе механизм онлайн-делиберации, с помощью которого будут создаваться условия для постепенного транзита от представительной к партисипативной демократии. Правоведами же исследуются вопросы совершенствования норм избирательного законодательства, регулирующего вопросы проведения электронного голосования, соответствие данной процедуры принципам отечественного избирательного права и общепризнанным международным стандартам. Среди работ юридической проблематики, можно выделить исследование государствоведов И.Б. Борисова и А.В. Игнатова [4, с. 15], проанализировавших основные направления совершенствования онлайн-голосования в Эстонии и России, используемые на практике при реализации принципов избирательного права и общественного контроля за электронным голосованием.

С точки зрения социологов электронное голосование рассматривается в качестве социально-политического процесса, в ходе которого осуществляется взаимодействие различных участников избирательного процесса (работников избиркомов, избирателей, наблюдателей и т.д.). Данный процесс можно исследовать с помощью широкого спектра научного инструментария (например, метода фокус-групп, экспертных опросов, опросов общественного мнения). В качестве примера эффективности данных методик, для исследования влияния агитации в поддержку кандидатов и партий в цифровом пространстве на динамику избирательного процесса, можно привести работу известных отечественных учёных О.В. Крыштановской и И.А. Лаврова [9, с. 65]. Анализируя предвыборную агитацию политических партий в социальных сетях в ходе думских выборов

2021 г., они приходят к выводу, что данная форма воздействия на электоральные предпочтения имеет больший эффект в возрастной группе от 20 до 35 лет. Интерес представляет исследование возможностей общественного наблюдения (осуществляемого институтами гражданского общества) за ходом ДЭГ на выборах в России в работах: А.С. Брода [5], П.В. Данилина [6], Г.Н. Митина [11], Н.А. Тюкова [13], В.Л. Шаповалова [13].

Аспектам технических характеристик ДЭГ, экспертным оценкам различных политических рисков, связанных с их применением, обеспечению условий для их апробации и последующем применении посвящены работы Д. Джефферсона, А. Рубина, Б. Симонса [17, с. 61] и ряда других учёных. О проблемах внедрения технологии «распределённого реестра» и выработке решений, направленных на цифровизацию различных отраслей экономики (в том числе одной из разновидностей ДЭГ - избирательного блокчейна), указывает коллектив отечественных учёных во главе с Д.А. Заколдаевым [8, с. 100].

Обобщая краткий обзор литературы по проблематике электронного голосования, стоит отметить широкий спектр трудов представителей научной общественности, однако, не все вопросы нашли отражение в проанализированных работах. Не подверглись детализации и должному комплексному анализу вопросы влияния дистанционного электронного голосования на избирательную явку и электоральные предпочтения российских избирателей, необходимость создания системы эффективного общественного наблюдения за онлайн-голосованием, что наглядно демонстрирует как теоретическую, так и практическую значимость проведённого исследования.

Методы

При написании статьи применялись такие методы, как кейс-стади и компаративистика. С помощью первого метода рассматриваются кейсы четырёх стран: России, Швейцарии, ФРГ и Эстонии, с целью выявления общих черт и отличительных особенностей ДЭГ в рассматриваемых государствах, его достоинствах, явных и потенциальных рисков, связанных с его использованием. Рассмотрены как страны, широко применяющие данную инновационную технологию в избирательной практике – Россия, Эстония, Швейцария, так и отказывающиеся, и даже законодательно запрещающие её применение в ходе политических выборов – ФРГ. С помощью политологической и юридической компаративистики сопоставляются различные формы дистанционного электронного голосования и их организационно-правовое обеспечение в законодательстве исследуемых государств.

Результаты анализа

Кейс России: апробация и применение ДЭГ на региональных и федеральных выборах

История тестирования электронного голосования в России начинает свой отсчёт в 2008 г. с выборов в Новомосковске, когда части гражданам, решившим проголосовать на избирательном участке, вместо бумажного бюллетеня выдавали диски, посредством которых волеизъявление можно было осуществить за пределами избирательного участка при наличии интернет-соединения. Тестирование новой системы голосования прошло успешно, полученные результаты совпали с голосованием, проводившемся с использованием бумажных бюллетеней. Длительный период времени данная система совершенствовалась с учётом новых достижений в области интернет-технологий и впервые система ДЭГ (с применением платформы блокчейн) была использована в ходе выборов парламентариев Мосгордумы в 2019 г. С целью подготовки нового формата волеизъявления избирателей выбрали несколько округов, включающие в себя: Зеленоград, Южное и Центральное Чертаново, Северный, Лианозово и Бибирево. Результаты, полученные с помощью ДЭГ, впервые в ходе избирательного процесса носили юридически значимый характер, а не служили подстраховкой для традиционного голосования.

Электронное дистанционное голосование увеличило процент проголосовавших избирателей с 22% (офлайн) до 92% (онлайн). Данный формат волеизъявления выбрали примерно 10 тыс. граждан, зарегистрированных на платформе «Мобильный избиратель», однако, в установленный период времени не все из них смогли проголосовать из-за сбоя в системе, около 1000 мобильных избирателей в единый день голосования 8 сентября 2019 г. не смогли зайти в систему (более чем у 500 из числа зарегистрированных избирателей возникли проблемы с входом на платформу для проведения электронного голосования) [2, с. 18], их голоса остались неучтёнными. Баллотировавшийся в Чертаново самовыдвиженец Р. Юнеман, опережавший своего ближайшего конкурента М. Русецкую (от партии «Единая Россия») в ходе традиционного голосования избирательными бюллетенями на 581 избирательных голосов, уступил ей при подсчёте голосов в ходе онлайн голосования (разница составила чуть более 80 мобильных голосов)³. После подсчёта голосов он высказал сомнение в достоверности полученных результатов из-за сбоев в системе и призывал отменить результаты онлайн-голосования. По мнению сотрудников Общественного штаба наблюдения за выборами и Департамента информационных технологий Правительства г. Москвы технические сбои не могли оказать серьёзного воздействия на число проголосовавших мобильных избирателей, к тому же проигравший сам призывал своих сторонников голосовать на избирательных участках, что сказалось на конечном результате онлайн-голосования.

В последующем Государственной думой были подготовлены и приняты поправки в ФЗ от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и ряд иных нормативных актов. ДЭГ облекли в юридическую форму, определив его как волеизъявление без бумажного бюллетеня с использованием программного обеспечения. Последующее использование ДЭГ произошло в ходе общероссийского голосования (проводившегося в связи с пандемией Ковид-19 в течение недели летом 2020 г.) по поправкам в Основной закон. По сложившейся традиции электронное дистанционное голосование снова использовали в Москве, при этом расширив географию применения данной формы голосования с помощью её применения в Нижегородской области. С помощью ДЭГ проголосовали около 1,2 млн избирателей (подавляющее большинство 1,05 млн составили креативные жители столицы) при избирательной явке свыше 93%⁴.

После общероссийского голосования по конституционным поправкам география применения ДЭГ начинает расширяться быстрыми темпами. Осенью 2020 г. с применением данной технологии прошли довыборы парламентариев Государственной думы (Курганская и Ярославская области), в ходе думских выборов 2021 г. её использовали в семи российских субъектах. Перед парламентскими выборами была подготовлена соответствующая законодательная база, для детализации этой процедуры было принято Постановление ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225–8 «О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года». С помощью программно-технического комплекса ДЭГ принять участие в онлайн-голосовании могли жители регионов, выбранных в качестве площадки для такой формы волеизъявления, которые обладают активным избирательным правом и подтверждённой учётной записью на Едином портале государственных и муниципальных услуг. Наибольший общественный резонанс в ходе данной думской избирательной кампании вызвала процедура подсчёта голосов мобильных избирателей в столице, где в ходе голосования бумажными бюллетенями в 9 из 15 избирательных округов лидировали кандидаты от партий КПРФ и «Яблока» и один самовыдвиженец, однако, после подсчёта голосов в ходе онлайн-голосования победу во

³Настроение сбоевое. Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.kommersant.ru/doc/4088592?ysclid=ltg6mmyu10726760519> (дата обращения: 29.02.2024).

⁴ Что такое электронное голосование и как проголосовать с его помощью на выборах-2024. [Электронный ресурс]. URL. <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-elektronnoe-golosovanie.htm> (дата обращения: 27.02.2024).

всех из них одержали представители партии «Единая Россия» (поддержанные мэром Москвы)⁵. Недовольство представителей партии КПРФ вызвала задержка обнародования результатов голосования с планируемых двух-трёх часов после закрытия избирательных участков более чем на десять часов, что представители московской мэрии и избиркома Москвы объяснили большим объёмом поданных бюллетеней на трехуровневых выборах. В 2022 г. дистанционное электронное голосование использовали на региональных выборах в Калуге, Курске, Москве, Пскове, Новгородской, Ярославской, Томской и Калининградской областях, а осенью 2023 г. в двадцати пяти субъектах РФ в ходе выборов различного уровня (муниципальных и региональных).

В ходе президентских выборов 2024 г. систему ДЭГ увеличили до 29 субъектов РФ (среди которых Архангельская, Белгородская, Вологодская, Владимирская, Московская, Калужская и иные области, Крым и Чувашия). Из тридцати регионов, в которых проводилось тестирование ДЭГ, отказались от его применения только Тульская и Оренбургская области, объяснив своё решение недостаточной подготовкой технического оснащения. В подавляющем большинстве (в 28 из 29) регионов онлайн-голосование будет реализовано на единой платформе votory.gov.ru и только в столице голосование и регистрация мобильных избирателей пройдёт на портале mos.ru. Для регистрации в качестве мобильного избирателя на территории 28 регионов нужно подать заявку на портале «Госуслуги» до 11 марта 2024 г., тогда как жители столицы находятся в более привилегированном положении и смогут проголосовать с 8 утра до 20.00 вечера в течение трёх дней с 15 по 17 марта (т.е. также, как и голосующие офлайн) без предварительной регистрации. По данным ЦИК РФ проголосовать дистанционно смогут 38 млн⁶ (на начало марта 2024 г. таким правом воспользовались 3 млн 750 тыс.) из свыше чем 112 млн избирателей (не считая 1 890 863 млн соотечественников, обладающих активным избирательным правом, проживающих за пределами территории РФ, которые не смогут принять участие в онлайн-голосовании)⁷. Выступая на круглом столе, посвящённом организационно-правовым аспектам ДЭГ, глава ЦИК РФ Э.А. Панфилова озвучила результаты опросов общественного мнения, проводившихся в начале 2024 г., на основании которых число доверяющих ДЭГ – 59%, ещё 8% неопределившихся потенциальных избирателей и 33% противников данной инновационной технологии⁸.

Как показал проведённый анализ применения в России ДЭГ на выборах различного уровня с 2019 г. по настоящее время, данная технология (равно как и её разновидности, например, избирательный блокчейн) имеет как сторонников, так и противников. Среди достоинств её применения можно назвать экономию бюджетных средств при проведении выборов (можно сократить количество бумажных избирательных бюллетеней, экономия ресурсов при формировании дополнительных избирательных участков, рекрутинге членов участковых и иных избирательных комиссий и оплата их труда), мобильность (проголосовать можно из любого места при наличии интернета), экономия времени при походе на избирательный участок и т.д.

Однако, могут ли эти достоинства пересилить недостатки и издержки данной технологии, среди которых можно выделить: риски технических сбоев (выборы 2019 г. в Мосгордуму, долгий подсчёт голосов результатов ДЭГ в столице на парламентских выборах 2021 г., что вызвало сомнения в результатах голосования у критически настроенных горожан) и кибератак (без которых не обходится практически ни одна

⁵ Электронное не сошлось с бумажным. Итоги онлайн-голосования в Москве оказались неутешительными для оппозиции. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4996309?ysclid=ltrou2yu8075595123> (дата обращения: 21.02.2024).

⁶ ДЭГ на выборах-2024 используют 29 регионов: почему отказались Оренбургская и Тульская области? [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZYVbxWfx0XBDcIBx> (дата обращения: 02.03.2024).

⁷ ЦИК назвал численность избирателей в России в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240202/tsik-1924947930.html?ysclid=ltg63wmzx2153463746> (дата обращения: 03.03.2024).

⁸ Панфилова заявила, что 59% избирателей доверяют электронному голосованию [Электронный ресурс]. URL: <https://icmos.ru/news/pamfilova-zayavila-cto-59-izbibr> (дата обращения: 03.03.2024).

избирательная кампания), сомнения части потенциальных мобильных избирателей в реализации базового принципа тайны голосования (подозрение в так называемой цифровой слежке со стороны работодателя или работников избиркома, в следствие чего избиратель может изменить своё волеизъявление), отсутствие общественного контроля за онлайн-голосованием в силу технической неграмотности части избирательного корпуса и иных объективных причин (формы общественного контроля в настоящее время разрабатываются как представителями научной общественности, так и властными структурами). Сторонники традиционного голосования (осуществляемого в специально оборудованной кабине, защищённой от воздействия на избирателя извне) резонно высказывают опасения относительно возможности воздействия на мобильного избирателя со стороны работодателя, который при желании может воздействовать на работников, голосующих на рабочем месте с помощью гаджетов. Все вышеперечисленные доводы свидетельствуют о том, что при внедрении в России различных видов дистанционного электронного голосования, необходимо оставить для избирателя возможность выбора, т.е. сохранить традиционное голосование, реализуемое с помощью бумажных избирательных бюллетеней.

Применение ДЭГ на примере кейсов ФРГ, Швейцарии и Эстонии: проблемные моменты и перспективы применения в ходе избирательного процесса

Лейтмотивами внедрения пилотных проектов по апробации электронного голосования в европейских странах представляются стремление к демократизации избирательных процессов и попытки повысить явку на выборах при соблюдении принципа тайного волеизъявления. Степень аполитичности в рассматриваемых странах на выборах общенационального значения и местного уровня в 80-х гг. двадцатого века достигла вершины: низкая явка, принудительное участие социально слабых общественных групп в избирательных процессах, игнорирование выборов молодежью, не могли обусловить их легитимность и эффективность.

Таким образом, в ряде европейских стран требовалась электоральная революция, которая удачно легла бы на почву технического прогресса, так как цифровое неравенство постепенно нивелировалось, а инновация в виде онлайн-голосования не могла не привлечь внимание населения к избирательным процессам. В большинстве случаев новые электоральные технологии тестировались на выборах местного уровня, что позволило быстро взвесить их преимущества и недостатки, а также оценить перспективы выхода за рамки пилотных проектов до законодательно закреплённого инструмента на выборах.

Примечательно, что электоральные процессы с применением онлайн-голосования в некоторых европейских странах (в том числе и в ФРГ) в период окончания двадцатого века не обладали юридически значимым характером, равно как и не имели политической подоплёки. Эксперименты с применением инновационных технологий реализовывались в ходе избрания молодёжных сообществ и союзов, которые решали сугубо частные вопросы членов данных организаций. В Германии впервые юридическое закрепление общих требований к электронному голосованию было осуществлено с принятием в 1970-е гг. Закона «О выборах в Бундестаг». Смысл стандарта заключается в легализации применения машин для подсчёта голосов избирателей и отказе от традиционных бумажных бюллетеней.

Данная правовая норма была впервые реализована в 1998 г. в рамках городских выборов в Кельне с использованием голландских машин для подсчёта голосов NEDAP⁹. Экспериментальная апробация получила положительный отклик, поэтому в 1999 г. в г. Кельн принимается решение о применении в ходе выборов в Европарламент шестисот подобных машин. В начале 2000-х гг. такой подсчёт голосов избирателей применялся в 29 муниципальных образованиях в ходе выборов в Бундестаг. С 1998 по 2002 г. эксперименты по применению электронного голосования в Германии были проведены как на

⁹ NEDAP — голландская транснациональная технологическая компания.

муниципальном уровне, так и на национальном. Аprobация электронного голосования в указанный период получила позитивную оценку с отсылкой на экономичность в ходе избирательного процесса и быстроту подсчета голосов.

В 2008 г. на выборах в Бундестаг в электронном голосовании приняли участие около двух миллионов чел. в 130 избирательных округах страны, где эксплуатировалось для подсчета голосов 1800 машин фирмы NEDAP. Через несколько месяцев в Гамбурге даже появилась инициатива по внедрению инновационной цифровой ручки для голосования e-Stimmzettel, записывающей голос избирателя, который затем передается на компьютер, где он обрабатывается и учитывается при подсчете голосов. Однако, несмотря на тенденцию поступательного внедрения электронного голосования в ФРГ, в конце 2008 г. машины NEDAP были признаны Федеральным Конституционным судом Германии морально устаревшими и не обеспечивающими конституционность и транспарентность избирательных процедур. Де-юре было вынесено решение о дальнейшем совершенствовании машин для подсчета голосов, а де-факто обращение в суд стало препятствием для дальнейшей апробации новых электоральных технологий. В 2009 г. выборы в Бундестаг состоялись только в традиционном формате, то есть, исключительно с использованием бумажных бюллетеней. В ходе проведенного Социологическим институтом SINUS и Немецким институтом по доверию и безопасности в интернете опроса (2013 г.) порядка 46% немецких граждан по причине отсутствия доверия и нарушения принципа конфиденциальности выступали против интернет-голосования [16, с. 391].

Однако, в современных политических реалиях в Германии внимательно наблюдают за избирательными процессами и инновационными электоральными технологиями в Эстонии, Бельгии и Швейцарии. Они вдохновляются прогрессом Эстонии, где уже с 2005 г. абсолютно нормально в день выборов сидеть в кресле с планшетом и ставить галочку напротив поддерживаемого кандидата или партии, но к процессу цифровизации выборов по-прежнему относятся с осторожностью.

Примечателен и тот факт, что в некоторых федеральных землях, например, в Северной Рейн-Вестфалии, электронное голосование активно используется на выборах в студсоветы и иные студенческие организации в университетах, что с точностью повторяет эксперимент ФРГ в конце двадцатого столетия, когда постепенное внедрение новых электоральных технологий проходило через неполитические выборы в различные молодежные сообщества. Обращаясь к политическому прогнозированию, можем предположить, что в ближайшей перспективе такие эксперименты снова смогут вернуться на политическую арену ФРГ в рамках выборов разного уровня. К тому же, в процессе поиска актуальной информации об отношении немцев к электронному голосованию мы проследили положительную динамику по сравнению с опросом 2013 г., когда почти половина граждан ФРГ была против технических инноваций.

Проанализировав график 1, можем заметить, что на сегодняшний день 76% проголосовавших интернет-пользователей придерживаются мнения о том, что электронное голосование удобно и является неотъемлемой частью будущего.

Повышенный интерес немцев к онлайн-голосованию прослеживается и на кейсе 2023 г., связанном с социальным голосованием, которое проводится в ФРГ с 1968 г. каждые шесть лет. В ходе социального голосования застрахованные граждане выбирают высшие руководящие органы государственного страхования (специальные органы самоуправления). Страховые парламенты, чьи компетенции закреплены в Социальном кодексе, составляют бюджет соответствующего социального учреждения и, таким образом, определяют порядок использования социальных взносов граждан ФРГ. При этом речь идет о больших деньгах: только на медицинское страхование выделяется около 300 миллиардов евро годового бюджета. Так избиратели решают, кто представляет их интересы в страховых компаниях. Новелла в рамках данного уникального типа голосования заключается в апробации ДЭГ в 2023 г., необходимость которой федеральный комиссар Петер Вайс обосновал потенциально возможным повышением явки избирателей по сравнению с 2017 г., в том числе молодежи. Эксперт по рынку труда от партии ХДС также заявил, что закреплённая юридически апробация электронного голосования, по сути, представляется для ФРГ единственным шансом до 2029 г. совершить уверенный переход в систему электронного дистанционного голосования, которая набирает обороты в европейских странах. Также в рамках анализа ситуации с ДЭГ в ФРГ важно ключевое высказывание министра здравоохранения ФРГ Йенса Шпана, который поддержал позицию Вайса и отметил, что именно Фонды медицинского страхования должны стать первооткрывателями и примером в мире онлайн-голосования. Таким образом, политические деятели Германии признали, что ждать дальше повсеместного применения электронного голосования нет времени, в действующих политических реалиях ДЭГ приобретает новый виток актуальности.

Так, в 2023 г. ДЭГ на социальных выборах внедрили в качестве альтернативного волеизъявления: избирателю требовался компьютер, ноутбук, смартфон или планшет. Доступ к платформе для онлайн-голосования осуществлялся через интернет-сайты медицинских страховых компаний, участвующих в онлайн-голосовании. Избиратели получали удостоверение личности избирателя по почте и должны были его идентифицировать. Это осуществлялось с помощью «процедуры трехномерования» (das Dreinummernverfahren), состоящей из номера страхователя (указанного на карте

застрахованного / eGK), индивидуального идентификационного номера (указанного на обратной стороне карты застрахованного / eGK) и номерного знака избирателя Wahlkennzeichen (на конверте для избирательного бюллетеня). В качестве альтернативы избиратели могли пройти аутентификацию с помощью приложения для идентификации личности и электронного удостоверения личности. В этом случае избирателям также нужен был номерной знак избирателя.

Проводя параллель с опытом Швейцарии, мы можем заметить, что ФРГ начала возвращаться к ДЭГ путем тестирования онлайн-голосования в социально-ориентированной тематической нише, которая каждые шесть лет охватывает более 50 миллионов жителей ФРГ, при этом закрепляя процедуру законодательно, в то время как в Швейцарии почва ДЭГ «прощупывается» очень аккуратно и со стороны. Импульсами для апробации новых электоральных практик в Швейцарии стала низкая явка на общенациональные выборы в конце двадцатого века, а также повышенный интерес европейских стран к внедрению способов дистанционного голосования. Так, возрастающая с 1970-х годов аполитичность стала причиной проведения экспериментов голосования по почте, на которое возлагались большие надежды по увеличению явки и привлечению молодежи к выборам. Метод не получил высокой оценки из-за широкого спектра факторов для манипуляций по фальсификации голосов, но в современных политических реалиях голосование по почте приобрело новый виток актуальности уже в модернизированном формате.

В начале 2000-х в Швейцарии были выдвинуты предложения по развитию интернет-голосования. Однако, процесс внедрения шел медленно, так как базировался на оценке и тестировании различных моделей. Федеральные агентства брали на себя ответственность за финансирование электоральных экспериментов. Так, три швейцарских кантона приняли участие в апробации электронного голосования: Женева (2003), Цюрих и Невшатель, в которых были разработаны индивидуальные модели интернет-голосования, различавшиеся по критериям предварительной регистрации в муниципалитете и интеграции в портал электронного правительства.

Зачинателем тенденции активного перехода на онлайн-голосование в Швейцарии на раннем этапе стала Организация швейцарцев за рубежом (OSA)¹⁰, члены которой выступили за включение зарубежных швейцарских избирателей в электоральный процесс путем ДЭГ, так как метод голосования по почте вызывал много трудностей. Так, в 2008 г. кантон Невшатель законодательно разрешил зарубежным избирателям голосовать онлайн. В 2009 и 2010 г. Женева и Цюрих поддержали инициативу, однако ряд других кантонов не присоединились к пилотному проекту.

После внедренных проектов по апробации электронного голосования в Швейцарии проводились исследования, в ходе которых было выявлено, что изначально электронное голосование привлекло внимание граждан своим удобством, но с течением времени в динамике становления электронного голосования прослеживается активность экспатриантов, а не граждан, проживающих на территории Швейцарии, которые после нивелирования психологического эффекта новизны теряют интерес к онлайн-голосованию.

В 2021 г. в Швейцарии на базе Центра криптографии в Невшателе Национальная почтовая служба разработала новую систему ДЭГ для страны и открыла ее для тестирования экспертами со всего мира в рамках программы «Bug-Bounty», которая заключалась в вознаграждении независимых экспертов и общественности за оценку новой швейцарской системы электронного голосования: таким образом, в нее вносились коррекции и модификации. Только после тестирования обновленной системы началось ее поступательное внедрение на выборах в различных кантонах. Так, весной 2023 г. кантонам Тургау, Санкт-Галлен и Базель-Штадт Федеральным советом было предоставлено разрешение на продолжение применения почтовой системы электронного голосования.

¹⁰ Организация швейцарской границы (OSA) представляет интересы швейцарской эмиграции в Швейцарии.

Швейцарское правительство одобрило систему электронного голосования, разработанную почтовым отделением. Ожидается, что с 2024 г. кантон Граубюнден также начнет тестировать систему электронного голосования. За ним последуют другие кантоны, которым потребуется одобрение Федерального совета.

Сегодня, согласно результатам опроса, более 84% швейцарцев¹¹ признаются, что процесс электронного голосования по почте соответствует современным политическим реалиям и облегчает участие в выборах. Кроме того, внедрение ДЭГ привлечет молодежь к электоральным процедурам, так как молодые люди привыкли к перманентному участию смартфонов в повседневной жизни. Следовательно, на сегодняшний день наиболее открытой для ДЭГ различных форматов электоральной группой в Швейцарии представляется молодежь, что власти, несомненно, берут во внимание. При этом швейцарские власти не отступают от принципа осторожности, в чем они схожи с немецкими властями, так как заявляют о том, что электронное голосование все же остается комплексной процедурой, которая должна улучшаться и перманентно перепроверяться, что невозможно без опыта практического применения на реальных кейсах.

Анализируя апробацию и применение электронного голосования в ФРГ, мы рассмотрели «процедуру трехномерования». В Швейцарии при использовании электронного голосования существует два основных метода проверки корректности хода процедуры электронного голосования: индивидуальная верификация, в рамках которой избиратель может самостоятельно сопоставить свой реальный голос с голосом, который поступил в систему и был зарегистрирован. Для этого избиратели могут использовать проверочные коды, которые они получают от кантона вместе с бюллетенями для голосования; проверка специально назначенными кантоном инспекторами (универсальная верификация), которые наделены правом проверять все электронные урны для голосования и доказывать попытки фальсификации. Для этого Избирательная комиссия использует программное обеспечение для проверки. Мы можем отметить, что в Швейцарии надзор за соблюдением прозрачности выборов с использованием ДЭГ осуществляется комплексно: как со стороны власти (назначаются инспекторы от кантонов), так и со стороны избирателей, которые отслеживают корректность своего волеизъявления через специальный проверочный код.

В заключение, не можем не упомянуть результаты Эстонии – первой страны в мире, внедрившей ДЭГ в избирательный процесс посредством принятия целого ряда нормативно-правовых актов (Законы «О выборах в местные органы государственной власти», «О Референдуме» и др.) и введением в эксплуатацию необходимой техники.

В отличие от ФРГ и Швейцарии, Эстонию часто называют эталоном в мире онлайн-голосования для всей Европы. Голосование с помощью Интернета в Эстонии имеет юридическую силу с 2005 г. как на выборах на местном уровне, так и на выборах в Рийгикогу – однопалатный эстонский парламент. Власти мотивировали внедрение ДЭГ классическими причинами: стремлением повысить явку и привлечь молодое поколение. Эстонские парламентарии убеждены, что голосование через Интернет комфортно для молодежи, которая живет в режиме рабочих командировок. В 2007 г. процент онлайн-голосов увеличился до 5% избирателей.

В Эстонии проголосовать с помощью онлайн-голосования не представляется проблематичным, так как различными группами электората активно используется безлимитный интернет, проголосовать удаленно можно при наличии компьютера (или иного гаджета) с помощью ID-карты¹² в приложении избирателя на веб-сайте, предварительно подтвердив свои электоральные предпочтения цифровой подписью, которая при подведении итогов голосования отделяется от электронного волеизъявления избирателя, обеспечивая анонимность.

¹¹ Deloitte-Studie (опрос корпорации «Делойт»). Deloitte — международная сеть компаний, оказывающих услуги в области консалтинга и аудита.

¹² ID-карта выдается гражданину Европейского Союза, проживающему в Эстонии на основании права на проживание.

Также голос защищен двухфакторным шифрованием, что препятствует фальсификации результатов выборов. Примечательно, что в Эстонии была разработана интересная схема, снижающая риски психологического давления при осуществлении избирательного права: избиратель может менять свой голос неограниченное количество раз; зафиксирован и обработан будет только последний выбор, т.е. предыдущие голоса автоматически аннулируются системой. При этом человек может сначала проголосовать онлайн, а затем, в день выборов, изменить свое решение на избирательном участке. По мнению эстонских законодателей такая процедура сводит к минимуму риски коррупции, когда сотрудник подвергается давлению со стороны работодателя.

Динамика вовлечения населения Эстонии в процесс дистанционного электронного голосования исключительно положительная: процент голосов, поданных через Интернет, стабильно увеличивается: 2% в 2005 г., 27% в 2011 г. и 51,2% электронных избирателей в 2023 г. [4, с. 19].

Отметим, что Эстония действительно вдохновляет ряд европейских стран на создание своих пилотных проектов по внедрению ДЭГ, выступая в роли маховика электорального технического прогресса. Еще одним показательным примером страны-преемника можно назвать Финляндию, где в 2008 г. власти начали апробацию электронного голосования.

Эстонии удалось стать лидером за счет решительности властей, которые сразу обозначили проблемные точки в электоральном процессе (необходимость как можно быстрее и эффективнее повышать явку и вовлекать молодых избирателей в выборы) и без долгого теоретического изучения приступили к практике. Такой подход стал для властей ключом к анализу и дальнейшему улучшению ДЭГ на практике.

Выводы

Рассмотрев кейсы четырёх стран, которые в разные периоды времени либо применяли ранее, либо продолжают в настоящее время использовать дистанционное онлайн-голосование в ходе политических выборов на различных уровнях, авторы исследования пришли к выводу, что данная инновационная форма волеизъявления избирателей стала тестироваться с середины 2000-х гг. Пионером в области ДЭГ среди рассматриваемых стран стала Швейцария, протестировавшая различные индивидуальные модели интернет-голосования в трёх кантонах (т.е. на региональном уровне). Немного уступила ей по срокам внедрения ДЭГ Эстония, в которой выборы органов власти на местах в 2005 г. и последующие за ними общенациональные (парламентские) выборы 2007 г. прошли с применением онлайн-голосования и придания их результатам юридически обязательного характера. В настоящее время обе страны применяют ДЭГ на выборах: на 2023 г. в ходе выборов в эстонскую Рийгикогу свыше 50% избирателей отдают предпочтение онлайн-голосованию, эксперименты по внедрению ДЭГ продолжаются и в ряде швейцарских кантонов (однако, в отличие от Эстонии, данная форма голосования ещё не приобрела статус общенациональной).

Тестирование электронного голосования с помощью техники на избирательных участках (т.е. контролируемое электронное голосование) проводилось на муниципальном и общенациональном уровнях в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и в ФРГ, и вначале получило позитивные отзывы избирателей (из-за экономии времени в ходе волеизъявления и высокой скорости подсчёта голосов). Однако, уже в 2008-2009 гг. настроения избирателей поменялись в сторону недоверия к различным формам инновационного волеизъявления, что привело к законодательному запрету их применения в ходе политических выборов. Несмотря на это в Германии активно используется дистанционное электронное голосование в ходе голосования за проекты в социальной сфере (предлагаемые Фондом медицинского страхования), что даёт надежду на то, что в будущем страна может вернуться к возможности применения онлайн-голосования и на политических выборах.

Не отстаёт от «законодателя мод» (Эстонии) в сфере инновационных технологий и их апробации в ходе избирательного процесса и Россия, в которой различные формы

дистанционного онлайн-голосования (т.е. неконтролируемого голосования) применяются с региональных выборов Мосгордумы 2019 г., дальнейшего придания их результатам общеобязательного юридического характера (2020 г.), постепенного распространения на новые субъекты РФ, в которых ранее данная система не тестировалась (в ходе президентских выборов 2024 г. онлайн-голосование будет применяться на территории 29 российских регионов).

Однако, в отличие от большей части зарубежных стран, наше государство выбрало эксклюзивную (т.е. закрытую), а не инклюзивную (т.е. открытую) электронную систему голосования. Данная система имеет как плюсы (конфиденциальность, защита персональных данных и т.д.), так и минусы (отсутствие возможности у избирателя проследить своё волеизъявление, т.е. удостовериться в том, что его онлайн-голос получит тот кандидат, за которого он проголосовал, невозможность переголосования в случае, если избиратель допустил ошибку в волеизъявлении).

В ходе применения ДЭГ в российской избирательной практике в 2019, 2020, 2021 и 2023 г. были выявлены следующие проблемы: не всегда онлайн-голосование способствует увеличению явки, в случае технических сбоев не всегда избиратели могут осуществить онлайн-голосование, сложности в обеспечении анонимности избирателя (процедура идентификации и аутентификации зачастую нивелируют принцип тайны голосования), не все российские регионы могут надлежащим образом обеспечить техническое оснащение для онлайн-голосования (отказ по техническим причинам принять участие в ДЭГ Тульской и Оренбургской областей на президентских выборах 2024 г.), отсутствие детализации правового регулирования процедуры онлайн-голосования (ограничивающееся статьёй 64.1 в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

В свете выявленных проблемных аспектов ДЭГ авторами предлагается ряд мер, направленных на совершенствование данного способа голосования:

- в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» следует определить условия (сроки, гарантии и т.д.) для участия в электронном дистанционном голосовании, процедуру аутентификации, процесс подсчёта голосов, тем самым исключив двоякое толкование норм, носящих общий характер и отсылающих правоприменителя (участников избирательного процесса, прежде всего избиркомы) к принимаемым ЦИК РФ инструкциям, разъясняющим положения содержащихся в ст. 64.1 вышеуказанного закона;

- законодательно (на федеральном уровне) регламентировать процедуру общественного наблюдения за ДЭГ, с этой целью ЦИК РФ и РЦОИТ могли бы проводить бесплатное обучение для представителей общественности, желающих принять участие в наблюдении за подсчётом голосов мобильных избирателей (не только из числа наблюдателей от кандидатов или партий, принимающих участие в выборах, но и от различных общественно-политических объединений, в том числе от правозащитных организаций, электоральных юристов, политтехнологов и т.д.), что позволит увеличить число избирателей, доверяющих онлайн-голосованию;

- обеспечить организационно-правовые гарантии, направленные на контроль за реализацией электронного дистанционного голосования, для членов избиркомов с помощью публичного обнародования списка ИТ и иных специалистов, обеспечивающих эксплуатацию онлайн-платформ для голосования;

- необходимо сохранить возможность для избирателей проголосовать бумажным бюллетенем вплоть до единого дня голосования (даже если в установленные законодательством сроки он не отозвал своё заявление об участии в онлайн-голосовании).

Все вышеперечисленные аргументы свидетельствуют о том, что безусловно избирательная система и избирательное законодательство должны идти в ногу со временем, использовать достижения в области технического прогресса и инновационных избирательных практик и методик. Однако, внедрять их необходимо постепенно,

одновременно с этим проводя разъяснительную работу с участниками избирательного процесса и совершенствуя практику применения электронного дистанционного голосования.

Литература

1. *Алексеев Р.А., Абрамов А.В.* Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // *Гражданин. Выборы. Власть.* - 2020. - № 1 (15). - С. 9-21.
2. *Алексеев Р.А.* Апробация технологии блокчейн на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г.: результаты и перспективы применения для федерального избирательного процесса // *Журнал политических исследований.* - 2019. - Т. 3. - № 4. - С. 12–23.
3. *Баранов Н.А.* От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* - 2022. - Т. 24. - № 3. - С. 433-446.
4. *Борисов И.Б., Игнатов А.В.* Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ // *Избирательное законодательство и практика.* - 2023. - № 1. - С. 14-20.
5. *Брод А.С.* Подготовка новых регионов Российской Федерации к выборам 2023 года // *Избирательное законодательство и практика.* - 2023. - № 2. - С. 6–9.
6. *Данилин П.В., Данилов В.Н.* Наблюдение на выборах в контексте реализации права граждан на власть. Российский опыт // *Гражданин. Выборы. Власть.* - 2021. - № 1. - С. 53-66.
7. *Ежов Д.А.* Электронное голосование: очевидные достоинства и потенциальные риски // *Власть.* - 2023. - Т. 31. - № 5. - С. 112-114.
8. *Заколдаев Д.А., Ямщиков Р.В., Ямщикова Н.В.* Технология блокчейн в России: достижения и проблемы // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал).* - 2018. - № 2. – С. 93-107. URL: www.evestnik-mgou.ru
9. *Крыштановская О.В., Лавров И.А.* Российские партии в поисках молодежи // *Социологические исследования.* - 2022. - № 12. - С. 64-75.
10. *Минтусов И.Е., Гуляев Д.С.* Дистанционное электронное голосование в странах англосаксонской системы: США, Австралия, Великобритания. Почему голосование ДЭГ не прижилось? // *Гражданин. Выборы. Власть.* - 2022. - № 1 (23). - С. 122-139.
11. *Митин Г.Н.* Проблемы влияния нарушений избирательного законодательства на легитимность выборов // *Конституционное и муниципальное право.* - 2023. - № 12. - С. 50-54.
12. *Морозова С.С., Будко Д.А.* Особенности развития цифровой демократии в крупных городах России (на примере Санкт-Петербурга) // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2022. - Т. 18. - № 4. - С. 456-469.
13. *Тюков Н.А., Шаповалов В.Л.* Участие российских педагогов в политических и гражданских процессах: основные результаты исследования и рекомендации // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* - 2021. - Т. 11. - № 3. - С. 6–14.
14. *Федоров В.И.* Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы // *Избирательное законодательство и практика.* – 2019. – № 4. – С. 37-42.
15. *Федоров В.И.* Электронное голосование: российский и зарубежный опыт: монография / В.И. Федоров. - Москва: ИНФРА-М, 2023. - 237 с.
16. *Чимаров Н.С.* К вопросу об имплементации международных избирательных стандартов в национальное законодательство ФРГ: на примере технологии электронного голосования» // *Россия в глобальном мире.* - 2017. - № 10 (33). - С. 388-392.
17. *Jefferson D., Rubin A., Simons B., Wagner D.* Analyzing Internet Voting Security. // *Communications of the ACM.* - 2004. - № 47 (10). - P. 59–64.

18. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivonosova I. New Methodology for Calculating Cost-Efficiency of Different Ways of Voting: Is Internet Voting Cheaper? // *Public Money & Management*. - 2020. - № 41. - P. 1-10.
19. Smorchkov A.M., Fedorchenko S.N., Shkarenkov P.P. VOX POPULI - VOX DEI: ELECTIONS IN THE ROMAN REPUBLIC AND MODERN DEMOCRACIES (COMPARATIVE ANALYSIS) // *The New Historical Bulletin*. 2020. № 4 (66). C. 129-139.

References

1. Alekseev R.A., Abramov A.V. Problemy i perspektivy primeneniya elektronogo golosovaniya i tekhnologii izbiratel'nogo blokcheyna v Rossii i za rubezhom. [Problems and prospects of using electronic voting and electoral blockchain technology in Russia and abroad]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Power]. 2020, I. 1 (15), pp. 9-21. (In Russian).
2. Alekseev R.A. Aprobatsiya tekhnologii blokcheyn na vyborah v Moskovskuyu gorodskuyu dumu v 2019 g.: rezul'taty i perspektivy primeneniya dlya federal'nogo izbiratel'nogo protsessa. [Approbation of blockchain technology in the elections to the Moscow city Duma in 2019: results and application prospects for the federal electoral process]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 4, pp. 12-23. (In Russian).
3. Baranov N.A. Ot nedoveriya — k legitimatsii: trudnyy put' tsifrovyykh elektoral'nykh tekhnologiy na primere Rossii. [From distrust to legitimization: the Difficult path of digital electoral Technologies on the example of Russia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science]. 2022, V. 24, I. 3, pp. 433-446. (In Russian).
4. Borisov I.B., Ignatov A.V. Elektronnoye golosovaniye v Estonii b'yet rekordy. Obshcheye i osobennoye v mezhdunarodnom razvitii DEG. [Electronic voting in Estonia is breaking records. General and special in the international development of the DEG]. *Izбирatel'noye zakonodatel'stvo i praktika* [Electoral legislation and practice]. 2023, I. 1, pp. 14-20. (In Russian).
5. Brod A.S. Podgotovka novykh regionov Rossiyskoy Federatsii k vyboram 2023 goda. [Preparation of new regions of the Russian Federation for the elections of 2023] *Izбирatel'noye zakonodatel'stvo i praktika* [Electoral legislation and practice]. 2023, I. 2, pp. 6–9. (In Russian).
6. Danilin P.V., Danilov V.N. Nablyudeniye na vyborah v kontekste realizatsii prava grazhdan na vlast'. Rossiyskiy opyt. [Election observation in the context of the realization of the right of citizens to power. Russian experience]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Power]. 2021, I. 1, pp. 53-66. (In Russian).
7. Ezhov D.A. Elektronnoye golosovaniye: ochevidnyye dostoinstva i potentsial'nyye riski. [Electronic voting: obvious advantages and potential risks]. *Vlast'* [Power]. 2023, V. 31, I. 5, pp. 112-114. (In Russian).
8. Zakodayev D.A., Yamshchikov R.V., Yamshchikova N.V. Tekhnologiya blokcheyn v Rossii: dostizheniya i problemy. [Blockchain technology in Russia: achievements and challenges]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)]. 2018, I. 2, pp. 93-107. URL: www.evestnik-mgou.ru. (In Russian).
9. Kryshtanovskaya O.V., Lavrov I.A. Rossiyskiye partii v poiskakh molodezhi. [Russian parties in search of youth]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. 2022, I. 12, pp. 64-75. (In Russian).
10. Mintusov I.E., Gulyayev D.S. Distantionnoye elektronnoye golosovaniye v stranakh anglosaksonskoy sistemy: SSHA, Avstraliya, Velikobritaniya. Pochemu golosovaniye DEG ne prizhilos'? [Remote electronic voting in the countries of the Anglo-Saxon system: USA, Australia, Great Britain. Why didn't the DAG vote catch on?]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Power]. 2022, I. 1 (23), pp. 122-139.
11. Mitin G.N. Problemy vliyaniya narusheniy izbiratel'nogo zakonodatel'stva na legitimnost' vyborov. [Problems of the influence of violations of electoral legislation on the legitimacy of

- elections]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law]. 2023, I. 12, pp. 50-54.
12. Morozova S.S., Budko D.A. Osobennosti razvitiya tsifrovoy demokratii v krupnykh gorodakh Rossii (na primere Sankt-Peterburga). [Features of the development of digital democracy in large Russian cities (on the example of St. Petersburg)]. *Politicheskaya ekspertiza: POLIT-EKS* [Political expertise: POLITEX]. 2022, V. 18, I. 4, pp. 456-469.
13. Tyukov N.A., Shapovalov V.L. Uchastiye rossiyskikh pedagogov v politicheskikh i grazhdanskikh protsessakh: osnovnyye rezul'taty issledovaniya i rekomendatsii. [Participation of Russian teachers in political and civil processes: main research results and recommendations]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2021, V. 11, I. 3, pp. 6–14.
14. Fedorov V.I. Distantionnoye elektronnoye gosovaniye i yavka izbirateley: opyt Estonii i Moskvy. [Remote electronic voting and voter turnout: the experience of Estonia and Moscow]. *Izbratel'noye zakonodatel'stvo i praktika* [Electoral legislation and practice]. 2019, I. 4, pp. 37-42.
15. Fedorov V.I. *Elektronnoye gosovaniye: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt: monografiya* [Electronic voting: Russian and foreign experience: monograph]. Moskva: INFRA-M Publ, 2023, 237 p.
16. Chimarov N.S. K voprosu ob implementatsii mezhdunarodnykh izbratel'nykh standartov v natsional'noye zakonodatel'stvo FRG: na primere tekhnologii elektronnoy gosovaniya». [On the issue of the implementation of international electoral standards in the national legislation of Germany: on the example of electronic voting technology]. *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world]. 2017, I. 10 (33), pp. 388-392.
17. Jefferson D., Rubin A., Simons B., Wagner D. Analyzing Internet Voting Security. *Communications of the ACM*. 2004, I. 47 (10), pp. 59–64.
18. Krimmer R., Duenas-Cid D., Krivonosova I. New Methodology for Calculating Cost-Efficiency of Different Ways of Voting: Is Internet Voting Cheaper? *Public Money & Management*. 2020, I. 41, pp. 1-10.
19. Smorchkov A.M., Fedorchenko S.N., Shkarenkov P.P. VOX POPULI - VOX DEI: ELECTIONS IN THE ROMAN REPUBLIC AND MODERN DEMOCRACIES (COMPARATIVE ANALYSIS). *The New Historical Bulletin*. 2020, I. 4 (66), pp. 129-139.